

Бушующий кабак, или Совесть выше экономики

Кликушество вокруг имени Александра Исаевича Солженицына способно вызвать раздражение, да и просто оно недостойно и неуместно перед тем, что оно однозначно огромно, масштабно и велико. Но и те, кто говорит или пишет о нем, имитируя «объективность», вызывают недоверие, и нет ни сочувствия, ни зависти к их «ума холодным наблюдениям»...

Поэтому в некоторой растерянности и трудно скрываемом удивлении создателя и ведущего телевизионного фильма «Александр Солженицын» — Станислава Говорухина от того, что он снимает писателя, от того, что он с ним ведет беседу, наконец, от того, что он в его доме, в его лесу, я не склонен видеть недостатка или изъяна. Именно этот уровень эмоционально-психологического восприятия Солженицына режиссером и делает его соразмерным со зрительским, именно эта, лишенная наносной и обязательной для нашей документалистики отстраненности, интонация наиболее убедительна и естественна для такой ленты...

Для каждого из нас, даже для тех, кто не принимает, ненавидит или обожествляет создателя «Одного дня Ивана Денисовича», «Матрениного двора», «Ракового корпуса» и «Архипелага ГУЛАГ», его личность помимо литературы связана с нашим собственным, внутренним, гражданским, социальным, мировоззренческим взрослением, мужанием, с нашими собственными самоощущением и самосознанием в этой жизни.

А еще... А еще была многослойная пелена, завеса, сотни кривых зеркал, которые заслоняли от нас писателя, деформируя и искажая его образ. Более полутора десятилетий, после его насильственной высылки, по стране гуляли слухи, а невидимые и уверенные руки направляли их и складывали миф об озлобленном отшельнике, раздраженном человеконенавистнике, навечно травмированном своим лагерным прошлым, который с утра до вечера предается молитвам и слезам по утраченной монархии, который держит взаперти жену и сыновей, выражающих в косоворотки... Новое время внесло свои коррективы — журналы стали возвращать нам его литературу, не забывая при этом «потянуть одеяло на себя» — славянофилы и западники, монархисты и демократы, — все пробовали, у кого рычаг сильнее. Оказалось, писатель не гнулся — был сам по себе. И к нему охладели искатели литературной дружбы и славы, правда, очень обиделись и стали вычеркивать его из литературы, занесли в списки политических деятелей. Ну а политики, дав два года назад высочайшее соизволение на публикации проекта «Как нам обустроить Россию?» А. И. Солженицына, отнеслись к его размышлениям как к декоративному элементу, удачно украсившему эпоху гласности; но событию чисто литературному, не требующему их серьезно, обремененного большими политическими задачами внимания... Пожалуй, писатель вновь для многих категорий становится все более и более неудобен...

Думается, что, разбив свой фильм на две серии, превратив первую из них по существу в развернутую экспозицию к главным, центральным беседам с Солженицыным, Говорухин поступил как опытный и расчетливый художник. Пока смотришь первую серию, слышишь разговоры с детьми, узнаешь, чем занята его жена — Наталья Дмитриевна и ее мать — Нина Фердинандовна, пока осматриваешься вместе с создателями фильма в доме писателя и узнаешь его уклад, не замечая, как происходит насыщение подсознательного обывательского любопытства, как твоё восприятие

проходит очищающие фильтры, освобождаясь от предвзятостей, от всех легенд и рассказов, как возникает потребность услышать, что думает писатель о литературе, о настоящем и будущем России, наконец, возникает готовность воспринять писателя таким, каков он есть. А предстает он человеком мощным и живого ума, человеком открытым, искренним и остроумным, а еще и поразительным по работоспособности тружеником-подвижником, превратившим свой дом в издательство, где каждый из домочадцев — его помощник, соратник и единомышленник. Нет, в отрыве от Родины его мысли не кажутся размышлениями человека постороннего, не кажутся истощенными и лишенными силы, напротив — они ясны, энергичны и обращены в наше непосредственное сегодня. Разве не звучит актуально его предостережение, что без постепенного спуска от тоталитаризма к демократии «прыжок» в демократию может за короткий срок превратить страну в «бушующий кабак»? Или что слияние старого аппарата с «новой буржуазией» отбросит страну назад не на 70, а на 170 лет? А может, нам все-таки его услышать? Услышать его слова о том, что совесть выше экономики...

Фильм Говорухина, прекрасно снятый оператором Юрием Прокофьевым, скромен и строг по своим художественным средствам, в нем нет места ни истеричным комментариям, ни надрызному закадровому тексту. В нем есть подкупающее доверие и уважение как к герою фильма, так и к зрителям. И, конечно же, он событие, и событие незаурядное — ведь это первый фильм об Александре Исаевиче Солженицыне.

Незадолго до премьеры фильма на телеэкране он был показан для прессы, а затем в Останкине прошла пресс-конференция со Станиславом Говорухиным и оператором Юрием Прокофьевым. Надеемся, что фрагменты этой пресс-конференции будут интересны и нашим читателям, но предупреждаем, что ряд вопросов задавался журналистами других изданий...

— Как родилась идея фильма?

— Инициатор этого дела — Егор Яковлев. Он обратился к Солженицыну, что, мол, пора, Александр Исаевич, интервью дать для телевидения. Солженицын, можно сказать, об этом мечтал, но говорил, что я пишу в свой внутренний мир только человека из России, когда Россия станет другой. И после августа Егор Яковлев позвонил, он сказал, что не против и давайте подумаем над кандидатурой интервьюера. Осенью, когда я был совсем по другому поводу (мне нужно было посоветоваться с ним по поводу фильма «Россия, которую мы потеряли»), когда я уже уезжал, он с Натальей Дмитриевной пригласил меня в кабинет и сказал, что у них были разные кандидатуры интервьюеров, что они посмотрели мой фильм «Так жить нельзя» и спросили: не согласусь ли я снять интервью. Я сказал, что интервью никогда не снимал, но, конечно, это для меня почетно. С этой минутой что-то сдвинулось. Но пошло это все, конечно, от Яковлева...

— С какой идеей вы ехали? Представляли точно, как выстроится интервью?

— Конечно, не представлял. Это оказался очень достойный и очень сложный жанр. Я наделал массу ошибок. И потом я впервые делал видеофильм, не зная технологии...

Я когда первый раз собирался к Солженицыну, чуть не раздумал — ну, что это я, как в Ясную Поляну к Толстому... Потому что он был окружен легендами, что он нелюдом, эгоист, живет за забором под колючей

Александр Исаевич Солженицын

проволокой... Но когда я туда попал — это было разрушение легенд. Настолько хлебосольные, русские люди, особенно Александр Исаевич, настоящий человек, настолько не похожий на легенды, которые сочинила вокруг него наша отвратительная и непорядочная иммиграция. И все это началось с конфликта даже не идейного, то есть уже назревал и идейный конфликт... После статьи «Образованщина», где Солженицын назвал определенную часть нашей интеллигенции «образованщиной» — без образованности ума, и сердца, и души, вот тогда начался уже идеологический конфликт. Но был и другой повод. В свое время президент Рейган пригласил Солженицына на завтрак, и потом его пресс-секретари пригласили еще некоторых иммигрантов — Александр Исаевич к тому времени прочел часть их статей и сказал: «Нет, я не хочу встречаться...» И получилась неловкость. Они совершенно не нужны были Рейгану, ему нужен был Солженицын... И вот они почувствовали, как изменилось его отношение и вроде бы он их сильно обидел. Тут начался страшный лай на страницах западной прессы, просто лай, обвал всякой мерзости и клеветы. Когда я Наталья Дмитриевна показывал материал, она вдруг говорит: «Ну они же теперь точно сожрут». — «О чем вы, Наталья Дмитриевна?» — «Ну вот сцена на балконе» — говорит. Когда я спрашиваю в сцене на балконе: «Александр Исаевич, это все ваше пространство для гуляния? Это же камера». А он отвечает: «Ну и хорошо, что камера. В камере думать хорошо». Я Наталья Дмитриевна говорю: «Это же смешно». А она: «Вы же не знаете, они целые статьи об этом публиковали, что у него сознание камерника. И вдруг такое вы даёте — это им кость просто...». Помните, откуда забор появился? От Войновича... Совсем недавно, как нарочно, выходя,

оглянувшись на телевизор в спальне и вдруг смотрю, Сергей Шолохов из «Пятого колеса» у знакомого «порога»... Смотрю, что такое? Батюшки, у дома Солженицына стоит. И идет такой текст: «Вот вы видите, дорогие телезрители, меня снимает наша камера, а меня в спину снимает Солженицын». И показывает на телекамеру над забором. Это не только в Вермонте, это по всей Америке, где ворота от дома около ста и больше метров, везде телевизионное устройство, чтобы можно было спросить по переговорнику: «Кто?». Вот это — ложь... Ложь есть ложь...

— Как художник вы ставили себе задачу создания образа писателя или шли по линии интервью?

— Конечно, мне хотелось донести до зрителя Солженицына такого, как будто они у него побывали. Чтобы они почувствовали, какой он. А его мысли, они есть в книгах. С крохами публицистики мне удалось познакомиться. С крохами... Я иногда подвопил вопрос к этому...

— Будет ли он после вас встречаться с нашими журналистами?

— Если он будет принимать гостей, то ему работать будет некогда. Он рано встает, делает зарядку — и за работу. Обедает на скорую руку. Около шести ужинает и опять работает, но уже больше это — подготовка к завтрашнему дню. Спит много. Ему кто-то еще в детстве сказал, что человек, который работает головой, должен спать девять часов в сутки.

(Юрий Прокофьев: «Он не кокетничал, когда на вопрос, не нарушил ли мы его распорядок, ответил, что мы заняли ровно столько времени, сколько он отвел. У него отлаженное производство. Писатель, и вокруг него свое громадное издательство...»)

— Вы поняли масштабы работы? Помимо основных книг Солженицына, они делают еще две серии книг. Горничных никаких в доме нет, все делают две женщины...

(Юрий Прокофьев: «Скажем, работа Нины Фердинандовны — после машины надо проставить точки над «ё» там, где важно для смысла...»)

— Вы много общались с детьми, какое они оставили впечатление?

— Я недаром начал фильм с них, с близких, потому что это было мое первое впечатление о Солженицыне. Я подумал, что достаточно мне было познакомиться с близкими его, чтобы понять его. Дети изумительные. Любят спорт и вместе с тем постоянно работают. Ну если человек в одиннадцать лет книгу набрал... И все они будут приносить пользу России.

— Что вы имеете в виду, говоря это?

— Где бы они ни жили, там или здесь, они будут приносить пользу России. Они воспитаны как русские, как граждане России. Они воспитаны в любви к Родине, как патриоты и как демократы.

— В фильме говорилось о том, что недопустимо, чтобы слово «демократ» и слово «патриот» были «ругательными» словами. Было ли развитие этой темы в ваших разговорах?

— Конечно, мы только об этом и говорили. Это же высшая степень безнравственности нашего общества, что против единого врага — коммунизма не могли объединиться. Все семь лет дрались друг с другом — левые ругали правых, правые левых. Оба крыла заслужили к себе презрение, вот и все...

— Верите ли вы, что он вернется?

— Что мне верить. Это абсолютно определено. Что его задерживает? Его задерживает работа. Как он закончил «Красное колесо», у него образовалось несколько «отростков», работы условно на год. Без архивов этого сделать нельзя. Пересекая границу, он оказывается отрезанным от архивов. Он на много лет задержит свою работу, если завтра вернется. Наталье, конечно, надо устроить быт... Наталья Дмитриевна здесь занималась этим, с Ельциным у нее на эту тему был разговор... Они бы хотели иметь скромный дом, не в Москве, а чуть подальше, и хотели его купить... Но я их предупреждал: «Вы не представляете себе сегодняшних цен...» Приехали, посмотрели в понравившемся районе Подмосковья дом. Нормальный. А им по существу нужен дом в три раза больше, потому что огромные площади занимают архивы. Когда она услышала цену в долларах, решила отложить покупку.

— А почему эта сумма так смутила их?

— Вермонтский дом они продавать не будут, ведь дети не все переделут, а потом завтра-послезавтра у них появятся свои семьи. Содержание дома стоит немалых денег. А доходы их очень невелики. Самая популярная, имеющая большие тиражи книга, наиболее издаваемая на разных языках, — «Архипелаг ГУЛАГ». Ни цента из этих денег он никогда не брал, они идут в «Фонд помощи узникам и их семьям». И уже здесь (в Москве) есть представительство этого фонда... Я не интересовался дотошно их бюджетом, но любого американца, любого богатого фермера из штата Вермонт стоимость подмосковного дома сшибла бы с ног. Такие деньги может выложить только жулик и больше никто. Территорию в 25 гектаров, с нетронутым лесом, два дома — летний и зимний с гаражом — они купили значительно дешевле...

— Ваше отношение к «Красному колесу»?

— «Красное колесо» я читал не полностью. Думаю, что это трудное чтение, но, несомненно, большая литература и большой труд, очень точный по фактам. Он знает «Февраль» так, как будто он там жил. Он тогда разволновался, когда он узнал Февраль. Еще десять лет назад он посылал нам сюда сигналы. Он говорил: «Не повторяйте Февраль. Самое страшное будет, если мы повторим Февраль, повторим этот бушующий кабак, в восемь месяцев развалившийся страну» — это из статьи «Наши Феврали». Ничего не дошло до нас. Наоборот, многие наши деятели ридились в балаганные одежды Февраля.

— А идея постепенного спуска при сильной власти?

— Да, он это говорил десять лет назад. Конечно, именно такой путь был возможен. Нельзя было спрыгнуть. Переход от тоталитарного государства к демократическому обязательно должен быть медленным и обязательно при твердой власти. Неужели этот постулат нуждается в доказательствах? Смотрите, кровь кругом... Иначе получается то, что мы видим... власть преступников, хаос, производство останавливается, летят кровью, начинается гражданская война. Значит, следующий этап — пугачевщина, если гражданская война уже на территории России.

— Возвращаясь в Россию, с чем Солженицын придет? Его внутренние мотивы?

— Он сказал мне: «Мне ничего не нужно. Рассказ я напишу на коленях. Я намерен первые два года много ездить по стране, общаться, встречаться с людьми. Я хочу, чтобы через меня прошел весь этот водоворот людей, событий...»

Материал подготовил
Петр КУЗЬМЕНКО